

не заботятся о томъ, что къ нимъ не пропускаютъ хлѣбныхъ запасовъ и надѣются получить ихъ инымъ способомъ: «Оныя запорожцы недобрѣмъ духомъ дышатъ и съ недобрѣмъ намѣреніемъ такъ великими купами собираются. Стоя на разныхъ мѣстахъ, они многихъ малороссійскихъ городовъ жителей, возвращающихся снизу въ свои дома и отбывающихъ отъ мороваго повѣтрія, обходящихъ Каменный-Затонъ степою (степью), спостигнувши, бьютъ и грабятъ и къ конечной нищетѣ приводятъ; также въ пасѣкахъ и въ рѣкахъ полевыхъ, кого ни есть, найдутъ, то такое-же исполняютъ разбойство и грабежъ, ради которыхъ жителямъ малороссійскихъ украинскихъ городовъ ни до пасѣкъ своихъ и на иные мѣста за промыслами господарскими отнюдь проѣхати невозможно». По всему этому гетманъ Мазепа просилъ государя дать ему «милостивый наставительный указъ» какъ ему поступить со своевольными запорожцами, т. е. разорять-ли ихъ, когда они приблизятся къ малороссійскимъ городамъ, или-же другія какія-либо мѣры противъ нихъ взять, а на всякій случай, пока придетъ царскій указъ, гетманъ велѣлъ собраться коннымъ и пѣхотнымъ сердючьимъ полкамъ и идти на рѣку Орель ¹⁾).

Что происходило въ это время въ Сичѣ и каково было подлинное настроеніе запорожскаго войска, объ этомъ пространно донесли Мазепѣ его приспѣшники, «нижайшій подножокъ», товарищъ роговскаго куреня Василь Зеленый и «наставникъ» послѣдняго «въ добромъ дѣлѣ» отецъ Антонинъ Мокіевскій. Василій Зеленый состоялъ сперва писаремъ запорожскаго войска, но потомъ, вслѣдствіе разразившагося мороваго повѣтрія, ушелъ въ дикія поля на Ингулецъ, и тамъ скрывался всю осень и все лѣто. Узнавъ, что моровая «пляга» наконецъ со дня пророка Іліи «прочь уступила», Зеленый вернулся въ Сичу и тамъ увидѣлся съ давнимъ своимъ наставникомъ отцомъ Антониномъ Мокіевскимъ и, послѣ совѣта съ нимъ, написалъ листъ гетману Мазепѣ о происшествіяхъ послѣднихъ дней въ запорожской Сичѣ. Первѣе всего, писалъ Зеленый, запорожцы сносятся съ крымскимъ панствомъ и заводятъ съ нимъ такое-же «братерство», какое было во время небожчика (покойнаго) Хмельницкаго. Другое—запорожцы всецѣло и «вседушевно» хотятъ Москву воевати. Для того, чтобы войти въ непосредственныя отношенія съ Крымомъ, запорожцы отправили

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, 1702, № 86, л. 292—294.

до Перекопа своихъ посланцевъ. Изъ Перекопа посланцы отправлены были съ татарскими провожатыми до Бахчисарая, но въ Бахчисарай не попали, а пришли въ Карачевъ ¹⁾ городъ, гдѣ находился въ то время ханъ со своимъ войскомъ. Ханъ и татары, принявши листъ отъ запорожскихъ посланцевъ, прочитали его и призвали къ себѣ одного стараго татарина и стараго-же, очень опытнаго, запорожскаго посланца Супруна Стеблѣвскаго (т. е. приписаннаго къ куренію стеблѣвскому), «добре» знавшихъ войну и постановленія Хмельницкаго. Эти старцы долго говорили публично въ присутствіи хана о давнихъ войнахъ и потомъ были отпущены по «господахъ» (т. е. по домамъ). Отпустивъ старцевъ, ханъ и его приближенные приступили сами къ совѣщанію. Во время этого совѣщанія ханъ рѣшительно отказался отъ предлагаемой войны; зато всѣ «панове» высказались за участіе въ войнѣ. Споря объ этомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, приближенные хана дошли до того, что хотѣли «сложить» его съ ханства и только послѣ того ханъ далъ свое согласіе. Тогда ханскіе «панове» послали донесеніе о своемъ намѣреніи турецкому султану и просили у него позволеніе о выходѣ имъ на войну. Послѣ отправки депутатовъ къ султану, татары вновь вернулись къ предложенію запорожцевъ и рѣшили въ предстоявшую зиму идти войной до самой Москвы, для чего предложили запорожскимъ посланцамъ вопросъ, спрашивали запорожскихъ посланцевъ, будетъ-ли ревностно помогать Крыму низовое войско. Посланцы отвѣчали, что войско будетъ во всемъ согласно съ татарами, потому что оно недовольно на москаля, который строитъ городъ въ Каменномъ-Затонѣ. А будетъ-ли татарамъ помогать заднѣпровскій гетманъ воевать Москву? спросили татары. Посланцы на такой запросъ отвѣтили, что они того не знаютъ. Но на что-же они надѣются? Надѣются «на охотника». А полкъ полтавскій пойдетъ-ли противъ нѣмцевъ? Полкъ полтавскій не пойдетъ противъ нѣмцевъ,—онъ будетъ дома. «Добре, рекли татары, коли не пойдетъ, то все ваше товариство цѣло будетъ; только, чтобы вы додержали слово и не довели насъ до стыда, какъ съ Петрикомъ и съ иными, Суховѣемъ и Ханенкомъ. Впрочемъ, хоть вы всѣ пойдете, хоть не пойдете, только-бы ваши знаки войсковые сѣчевые были съ нами, а мы и сами поидемъ, хоть и до самой столицы (т. е. Москвы); только мы отъ васъ того желаемъ, чтобы

¹⁾ Нужно думать Карасубазаръ.

отъ сего времени больше съ Москвой ни листами не засылались, не жили съ ними зичливе, но съ нами оставались въ пріязни и доносили намъ отъ себя всякія вѣдомости, а какая къ намъ изъ Царяграда отъ монарха турецкаго будетъ вѣдомость, то вскорѣ и вамъ и намъ извѣстно будетъ, и вы во всемъ будьте покойны».

Возвращая запорожскихъ посланцевъ изъ Крыма, ханъ и его панове отправили съ ними одного незначнаго, но только стараго человѣка, татарина самъ-треть. Такъ какъ въ то время настоящій войсковой писарь, заразившійся передъ тѣмъ повѣтріемъ, еще не выздоровѣлъ отъ болѣзни, то вмѣсто него кошевой атаманъ обратился съ просьбой къ Зеленому дать присланному татарину отвѣтныи листъ до хана и всего крымскаго панства. Зеленый воспользовался такимъ приглашеніемъ, разузналъ о результатахъ посольства запорожцевъ въ Крымъ и въ то-же время исполнилъ просьбу кошевого. Первѣе всего запорожцы благодарили хана за присланные имъ листы и за его вниманіе ко всему войску. Затѣмъ просили его, какъ можно скорѣй, увѣдомить войско въ случаѣ полученія какого-либо извѣстія отъ турецкаго султана. Далѣе «всесердечно, якъ старшій товарищъ, такъ и меньшій», просили хана къ себѣ на соединеніе съ ордами съ тѣмъ, чтобы побить Москву въ Каменномъ-Затонѣ, и оттуда идти далѣе; обѣщали съ москалями не сноситься и всячески вредить имъ. Запорожцы не похваляли порады татаръ за то только, что они откладываютъ войну на зиму, когда рѣки стануть; лучше было-бы тому непріятелю, москалю, теперь-же запретить строить вблизи Крыма города и поселяться въ нихъ, потому что коли Москва усилится тамъ всякими войсковыми приборами, людьми умножится, то трудно будетъ выкоренить ее оттуда; теперь-же было-бы удобно съ ней сдѣлать, что угодно.

Написанный листъ кошевой атаманъ взялъ къ себѣ и самъ наединѣ вычиталъ его, желая доподлинно убѣдиться, всѣ-ли пункты въ немъ прописаны, о которыхъ онъ приказывалъ. Послѣ этого кошевой, не собирая войсковой рады, а только «атаманскую пораду», тихо отпустилъ изъ Сичи ханскаго посла, боясь, чтобы кто-нибудь изъ москалей Каменнаго-Затона не услышалъ о томъ, что запорожцы послали свой листъ къ хану. Послѣ отъѣзда ханскаго посла изъ Сичи между запорожцами стали носиться «разные голоса». Одни говорили: «если орда теперь - же не захочетъ соединиться съ нами и пойти Москвы воевати, а на насъ будетъ (черезъ то) опаль (т. е. гнѣвъ)

монаршій, то мы отпишемся къ Москвѣ до великаго государя, что мы того, войско, ничего ни чинили и не знали, да все то панъ гетманъ намъ велѣлъ чинити такъ съ ордою, яко и съ Москвою; то его самого возьмутъ на Москву въ неволю, а мы какъ раньше, такъ и теперь будемъ находиться въ ласкѣ и милости монаршей.» Другіе - же такъ разсуждали: «Коли не будетъ послѣ сего на насъ ласки царской, то мы хочъ вѣчно поддамося турецкому монарху, а Москвѣ не дамося въ неволю, бо они (москали), вже знаемъ, якъ людей мучать». Изображая все это гетману Мазепѣ, Василь Зеленый отъ себя осмѣливался подать ему со-вѣтъ, ради сердечной къ его вельможности зичливости, потѣшить чѣмъ-либо на этотъ разъ запорожское низовое войско — или отвратить гнѣвъ монаршій и вызволить изъ Москвы сѣчевое товариство, или - же прислать на Кошъ борошна и написать ласково до войска, но въ такомъ духѣ, чтобы оно кошевого отставило отъ его уряда; тѣмъ болѣе, что войско имѣетъ быть на него недовольнымъ: во-первыхъ, онъ всѣмъ позбавлялъ добычи; во-вторыхъ, произвелъ большую турбацію.

Письмо Василя Зеленаго къ Мазепѣ, подкрѣпленное письмомъ Антонина Мокіевского, писано на половину по русски, на половину по латыни; въ немъ Зеленый выставляетъ себя горячимъ патріотомъ всей Россіи, искренне преданнымъ русскому монарху и малороссійскому гетману, но въ то-же время просить сжечь всѣ посылаемые пункты, чтобы о томъ какъ-нибудь не дошло извѣстіе въ Сичу и чтобы чрезъ то не погибли оба автора письма и самая святая обитель. «Тутъ всѣ того пишно стерегутъ и довѣдуются о такихъ дѣлахъ. Антона, товмача вашего, завернувши, держатъ въ вязеню крѣпкомъ, поки отъ васъ о немъ до войска письма не буде. А все то наигорше кошовый чинитъ своимъ упоромъ и поводомъ» ¹⁾.

Узнавъ о сношеніяхъ запорожцевъ съ крымскимъ ханомъ, гетманъ Мазепа отправилъ въ Крымъ собственнаго гонца и черезъ того гонца просилъ хана не нарушать мира съ Москвой. Ханъ принялъ гетманскаго гонца съ честью и обѣщалъ не разрывать мира съ Москвой, о чемъ гетманъ успѣшилъ сообщить графу Головину письмомъ въ Москву и тутъ-же занесъ жалобу на бѣгство въ Запорожье многихъ людей изъ малороссійскихъ городовъ ²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, св. 14, № 1331—1303.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подл. акты, 1702, № 1295.

Между тѣмъ ненависть запорожцевъ къ москалямъ все болѣе и болѣе возрастала и перешла въ открытую вражду. Такъ, осенью этого-же года какая-то гулящая степная ватага напала на капитана Суховольскаго, везшаго съ солдатами для стрѣлцаго полка въ Каменный-Затонъ царскую казну, капитана и двухъ солдатъ убила, бывшаго при нихъ священника исколола и въ терновникъ бросила, а царскую казну себѣ забрала. Другая подобная-же ватага воровскимъ способомъ «въ великороссійскихъ полкахъ у Каменнаго-Затона и у Новобогородицкаго городка лошадей похватала и съ собой угнала ¹⁾. Въ это-же время изъ Сичи отдѣлилось 600 чело-вѣкъ искателей приключеній, которые ударились на вершину рѣчки Волчьихъ-Водъ и слѣлали тамъ нападеніе на промышленныхъ людей, ѣздившихъ на свои пасѣки и на рыбныя ловли ²⁾.

Главной причиною такого озлобленія запорожскихъ козаковъ противъ Москвы было построеніе новаго русскаго городка въ Каменно-Затонѣ. Сентября 23 дня послана была, на имя коше-ваго атамана Гордіенка, царская грамота съ приказаніемъ не препятствовать русскимъ людямъ ломки камня и обжиганія извести на построеніе Каменно-затонскаго городка ³⁾. Грамота эта отправлена была сперва къ гетману Мазепѣ и отъ него, черезъ козака Антона Гречаника, доставлена въ Сичь. Въ Сичи грамоту приняли, а гетманскаго посланца приковали желѣзами къ пушкѣ и посадили подъ строгій караулъ, и хотя тотъ посланецъ впалъ въ какую-то болѣзнь, но его днемъ отпускали со сторожами, а на ночь, крѣпко сковавъ, вновь къ пушкѣ сажали и никого къ нему не допускали ⁴⁾.

Въ это время, а именно октября 11 дня, какъ сообщалъ гетману переволочанскій дозорца Безкровный, въ запорожскую Сичь пріѣхали отъ крымскаго калги-салтана три старыхъ татарина къ кошевому атаману съ просьбой позволить татарамъ воспользоваться запорожскими судами для переправы съ лѣваго берега Днѣпра на правый у Тавани, чтобы идти въ турецкій городъ Бѣлоградъ «для нѣкотораго ихъ сейма». Въ Сичи собрана была по этому поводу

¹⁾ Архивъ мин. юстиціи, кнѣга мал. приказа, 1702, кн. 86, л. 778—779, кн. 89, л. 163.

²⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1702, кн. 86, л. 291.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; 1702, св. 10, № 34; мал. подл. акты, № 1330.

⁴⁾ Архивъ мин. юстиціи, кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 780—985.